

DOI 10.15826/izv1.2021.27.3.060
УДК 712.253 + 316.75 + 32.019.5

М. В. Воробьева
Е. И. Рабинович

О МЕСТЕ ИДЕОЛОГИИ В РАБОТЕ СОВЕТСКИХ САДОВ И ПАРКОВ 1920-х — НАЧАЛА 1930-х гг. (на примере г. Свердловска)*

На основе анализа локальной прессы 1920-х — начала 1930-х гг. в статье раскрывается вопрос о месте идеологической компоненты в работе советских садов и парков на примере г. Свердловска. Рассмотрев состояние инфраструктуры, материальной среды, определив ключевые проблемы функционирования, содержательное наполнение культурной программы садов, авторы подвергают сомнению установившиеся представления о доминирующей роли идеологии в публичной сфере 1920-х гг., а также прослеживают динамику веса идеологической компоненты в жизни садов Свердловска на протяжении исследуемого периода.

К л ю ч е в ы е с л о в а: сады; парки; советская культура 1920–1930-х гг.; государственная политика; Екатеринбург; Свердловск

Введение

Сложно переоценить значение садово-парковых пространств для жителей городов, особенно в индустриальных регионах. В 1920–1930-е гг. они имели для горожан особую ценность: крайне некомфортные условия быта, а именно проживание подавляющей части населения в коммунальных квартирах, общежитиях, бараках [Лебина, с. 67–118], делали сады и парки едва ли не главным местом рекреации, пространством отдыха от работы и бытовых трудностей. Значительную популярность садам и паркам добавил снизившийся уровень доходов населения, часто не позволявший использовать дореволюционные формы отдыха.

История и логика функционирования советских садово-парковых пространств изучены недостаточно. В центре внимания традиционно находились процессы трансформации так называемых «Центральных парков культуры и отдыха» и отчасти инспирированный этим социокультурным проектом феномен ревитализации старых дореволюционных парков [Барышева; Кладова; Кухер; Савицкий]. Сады 1920-х, изучение которых позволяет нам понять логику и смысл перехода

---

* Исследование выполнено за счет средств гранта РФФИ, проект № 20-411-660005 «Специфика конструирования гражданственности в 1920–2010-х гг. на материале публичных парковых пространств г. Свердловска/Екатеринбурга».

ВОРОБЬЕВА Мария Владимировна — кандидат культурологии, научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург; доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Технического университета УГМК, г. Верхняя Пышма (e-mail: vorobyovamariya@yandex.ru).

РАБИНОВИЧ Евгений Ильич — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (e-mail: svet-evg@mail.ru).

от дореволюционных парков к советским ПКиО, мало исследованы. Этот пробел (на региональном материале) и призвана заполнить данная статья.

В своей работе мы сконцентрируем внимание на садово-парковых пространствах Свердловска — относительно молодого индустриального города, чьи статус и положение в иерархии городов резко изменились в 1920-е гг.: уездный город стал, пусть на короткий по историческим меркам срок, столицей огромной Уральской области, протянувшейся с юга на север от Казахстана до Карского моря. Амбициозность столицы новой области отразилась в создании архитектурных ансамблей, построенных в конструктивистском стиле, востребованном в то время, а также в постепенной трансформации городского центра с целью придать ему более статусный вид. Архитектурный образ города менялся, но коснулись ли эти изменения городских садов? Менялись ли они и менялся ли подход к работе с горожанами — посетителями садов?

Цель нашей статьи мы видим в том, чтобы установить, какую роль идеология играла в построении работы с посетителями садов Свердловска 1920-х — начала 1930-х гг. Соответственно, основной задачей становится определение состояния инфраструктуры садов, событийного наполнения их работы и основных проблем садов Свердловска. Материалом для исследования послужили публикации свердловских газет «Уральский рабочий» и «На смену!» 1923–1934-х гг. Основной массив этих публикаций за указанный период мы впервые вводим в научный оборот. Обращение к прессе объясняется тем, что архивных материалов, позволяющих изучить работу садов 1920-х — начала 1930-х гг., практически не сохранилось. Таким образом, пресса является почти единственным источником сведений о садово-парковых пространствах, их функционировании и специфике работы с посетителями. Ведущими методами, при помощи которых был проведен анализ прессы, выступали методы дискурсивного анализа и контент-анализа.

Сады Свердловска 1920-х гг.: краткий обзор

Прежде чем показать, какое место на протяжении 1920-х гг. и в начале 1930-х гг. занимала идеология в работе с посетителями садов, обозначим основные садово-парковые объекты Свердловска. Отметим, что практически до конца 1920-х гг. термин «парки» еще не использовался как в быденном словоупотреблении, так и в официальных документах. «Сады» станут именоваться «парками» лишь после развертывания многочисленных проектов ПКиО, копировавших на региональном уровне столичный опыт [Кухер]. Поэтому в своей статье мы преимущественно будем использовать аутентичное название «сады».

В Екатеринбурге начала 1920-х гг. старые, дореволюционные сады получают другие имена, а новые сады пока не создаются. В 1922 г. в городе официально функционируют три сада. Это бывший Харитоновский сад, получивший название «Красноармейская звезда» (в котором летом 1922 г. гуляния устраивались Окружной комиссией помощи голодающим при Приуральском военном округе); сад Красной Армии (бывший Клубный), где сохраняются дореволюционные традиции (проводятся гулянья, играет симфонический оркестр, работает ресторан);

и обслуживавшийся клубом имени Малышева сад под названием «Бывший Филитц» (ул. Мамина-Сибиряка) [Советский Екатеринбург..., с. 111–112]. Такая садовая карта показывает резкое расслоение рекреационных пространств города. В общедоступном саду «Красноармейская звезда» все мероприятия связаны с голодом 1921/22 гг., что отражает реалии Урала того времени с массовой смертностью от голода и случаями каннибализма. Так, «в апреле 1922 г. в Екатеринбургской губернии голодало 652 896 человек, что составляло более 50 % населения губернии, к июлю число голодающих возросло до 795 319 человек» [Каракулов, с. 15]. При этом в саду Красной Армии, предназначенном для армейской элиты и партийных чиновников, ежедневно работает ресторан с оркестром.

В 1924 г. главными садами города являлись сад Комклуба (бывший сад Красной Армии) и Городской сад (бывший «Красноармейская звезда»). Обратим внимание на то, что еще два года назад фактически все сады города принадлежали РККА, а теперь, по мере удаления от времени Гражданской войны, они меняют собственника: становятся партийными или общегородскими. Сад Комклуба (Екатеринбургского клуба коммунистов) сохранил традиции элитарного дореволюционного клуба, он являлся самым высокостатусным и роскошным садом города, в котором «право входа в столовую и клуб имеют все коммунисты, а беспартийные по рекомендации бюро ячейки Р.К.П.» [Свердловск — столица Урала..., с. 95]. Сад Комклуба представлял собой «...большой благоустроенный общественный сад, в центре города. Летом ежедневные гуляния. Симфонический оркестр. Ресторан» [Там же, с. 99]. Помимо ресторана, в саду находились эстрада, бильярдная, танцплощадка. В 1932 г. там начал работу мюзик-холл. Впоследствии сад получил название «Сад-театр имени Вайнера». В парке каждое лето проводили симфонические сезоны, выступали приезжие артисты [Лукьянин, Никулина, с. 72]. Второй парк города — Городской сад, позже переименованный в сад Уралпрофсовета — являлся местом отдыха для всех, статус его был заметно ниже, а наличие оркестра и ресторана здесь не предполагалось: «...старинный большой красивый сад, постоянное место народных гуляний. Летний театр» [Свердловск — столица Урала..., с. 99]. К этим главным садам города примыкал и «Бывший Филитц».

В конце 1923 г. Екатеринбург стал столицей Уральской области и в 1924 г. был переименован в Свердловск. По мере роста «столичных» амбиций партийной бюрократии города увеличивается копирование московских образцов. Растет и количество садово-парковых пространств: к концу десятилетия, в Свердловске 1929 г., таковых насчитывается одиннадцать (садов, бульваров, скверов, парков). Впрочем, часть из них — это получившие новые имена давно существующие сады, а часть — свежие посадки деревьев и кустарников. Это сады и парки: 1) имени Уралпрофсовета (площадь Народной Мести); 2) имени Вайнера (ул. Первомайская, 9); 3) имени Энгельса (площадь Энгельса); 4) Юных пионеров (угол улиц Мамина-Сибиряка и К. Маркса); 5) Печатников (угол ул. Ленина и Кузнечной); 6) Союза рабочих связи (Сибирский пр., на берегу р. Исети у Городской бани); 7) при фабрике имени Ленина (фабрика имени Ленина, городской выгон); 8) бывший Архиерейский (угол улиц Декабристов и Детский Городок);

9) Сельскохозяйственных рабочих (ул. Антона Валека); 10) Союза коммунальщиков (ул. 8-го Марта); 11) Профсоюзов (городской выгон, бывшая Генеральская дача). Помимо этого в городе фиксируется семь «бульваров и скверов», хотя некоторые из них и представляют собой лишь год назад посаженные прутьики-саженцы [Свердловск: справочник-путеводитель..., с. 324–325].

Инфраструктура, материальная среда и ключевые проблемы садов Свердловска

Определяя место идеологической компоненты в работе свердловских садов, следует начать с основы — инфраструктуры и материальной среды, которые обуславливали многое. В течение 1920-х, но особенно в начале 1930-х гг., жалобы журналистов на плохое состояние садовой инфраструктуры звучали рефреном. Приведем для примера несколько особенно красочных пассажей. Характеризуя состояние открытого два года назад, в 1925 г., сквера имени Энгельса, корреспондент — видимо, пылая негодованием — заговорил стихами:

Там, под «зарослями» клена,
 Где трава испелена,
 Там с весны неугомонно,
 Вопреки статьям закона,
 Окружая пьедестал,
 Козы правят пышный бал...
 <...> И под жидкой, тощей тенью,
 В черноземном упоеньи
 Свиньи вздыбили коренья,
 Окружая пьедестал.
 Свиньи правят пышный бал...
 <...> Поглядишь, так сохнет в горле.
 Был бандит какой, там — вор ли...
 Только... бюстик тоже... сперли...
 Фридрих Энгельс вдруг пропал <...>¹

[Ария об аварии, с. 5]

Однако и прозаические строки бывали не менее яркими:

Долгие разговоры о переоборудовании сада так и остались благими пожеланиями, погребенными в папках текущих дел. Кроме необорудованной эстрады, безобразных скамеек и надоевшего «лабиринта» в саду ничего нет. Ведь нельзя же, действительно, считать культурным развлечением два плавающих корыта на вонючем «пруду» и заброшенную спортивную площадку, на которой никто как следует не занимается (рассказ о саде имени Уралпрофсовета) [Положить конец халтуре, с. 4].

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация оригинала сохранены. — М. В., Е. Р.

Другие садово-парковые пространства города тоже не отличались высокой степенью благоустройства:

Сквер в безобразном состоянии, насаженные молодые деревья ломаются или выдергиваются из земли совсем с корнями. У кустов акации растет хорошая трава и поэтому на тротуаре очень часто пасутся коровы и козы, топчут газоны. Урн и плевательниц нет, поэтому на бульваре всегда сор, набросаны на зелени окурки, бумага и пр. (о ситуации с бульваром в районе Верх-Исетского завода) [Кто отвечает за бульвар, с. 4].

Стоит задаться вопросом: что же послужило причиной столь плачевного состояния садово-парковых пространств? Очевидный ответ — недостаток финансирования: не было возможности не только обновлять инфраструктуру, но даже просто нанять дворников для уборки и сторожей для охраны. Сады были практически поставлены на самоокупаемость, а плата за вход там, где она взималась, не покрывала всех финансовых нужд. Не менее любопытно, что пресса 1920-х гг. за редким исключением почти не содержит указаний на существенные недостатки материальной среды садов. Серьезные проблемы появились в самом конце 1920-х — начале 1930-х гг. И мы сделаем предположение, отчего именно.

В 1928–1929 гг. сады стали одним из объектов общесоюзной антиалкогольной кампании. Причиной последней явилось многократное увеличение потребления алкоголя (к примеру, в Москве с 1924 по 1928 г. оно возросло в 8 раз) [Орлов, с. 248]. Необходимость решать возникшую проблему вынудила государство инициировать начало антиалкогольной кампании, в которую вовлекались широкие слои населения (см., например: [Болотова, с. 422–423]).

Первыми жертвами этой кампании стали такие очевидные места реализации и потребления алкоголя, как пивные и рюмочные. Свердловские же сады — более многофункциональные пространства — держались дольше. Между тем ситуация с пьянством в городских садах, судя по отзывам в прессе, являлась напряженной. *«Бойко торгует буфет в Клубном саду, хлопают пробки. Языки развязываются. Пиво льется рекой...»* — говорится про сад имени Вайнера [Не превращайте в кабак, с. 4]. Еще про один публичный сад пишут следующее:

Сад «Отдых», бывший «Филитц», арендован Промвиноделием. Нельзя сказать, чтобы этот сад давал рабочему разумный отдых. Пиво там льется рекой, столы ломаются от пивных бутылок. Сад принадлежит винному госоргану — ничего не поделаешь. Только плохо, что из-за этого пьяного потока музыканты плохо играют. Как только антракт, они бегут под навес Промвиноделия, а потом играют кто в лес, кто по дрова [Хоть залейся пивом, с. 4].

В саду «Серп и молот» на Верх-Исетском заводе тоже процветало пьянство. Дошло даже до того, что руководство этого сада сместили за злоупотребление алкоголем. Кружки прекратили работу, поскольку их руководители, как и администрация сада, были сняты за пьянство. В книге предложений рабочие пишут, что *«в сад “Серп и молот” ходят только из-за выпивки»* [Работу ВИЗ'овского сада — на обсуждение масс, с. 4].

Когда началась антиалкогольная кампания, администрации садов реагировали на спускаемые сверху требования о проведении агитационных и просветительских мероприятий против пьянства не самими событиями, но отчетами о них. Кроме того, похоже, большинство посетителей парков (особенно мужского пола) зачастую шли туда именно ради «культурного отдыха» за рюмкой водки или кружкой пива. Визитеры голосовали рублем, а для самокупающихся садов данное обстоятельство было определяющим.

Однако давление общественности оказало свое действие. Некоторые сады стали постепенно отказываться от реализации алкоголя, но результат был плачевным. В саду «Серп и молот», отказавшемся от продажи алкоголя, попробовали выжить за счет привлечения средств от выступлений приезжих артистов. Однако после первой постановки выручили 57 руб. и заплатили артистам 300 руб. Недостачу размером в 243 руб. пришлось просить компенсировать из «культурфонда» райкома металлистов [У двух нянек дитя без глазу, с. 4].

В саду имени Большакова при Ленинской фабрике также запретили продажу алкоголя. Это обернулось финансовыми сложностями и немедленно отразилось на материальной среде сада: «...в саду бывает грязно и выглядит он непривлекательно» [На прочных рельсах, с. 4]. Видимо, держать дворника в саду финансы уже не позволяли.

Очевидно, что проблемы с поддержанием инфраструктуры свердловских садов, возникшие в конце 1920-х — начале 1930-х гг., являлись следствием прошедшей недавно антиалкогольной кампании. Ведь существовала устоявшаяся экономика культуры такого рода: продажа алкоголя в буфете сада позволяла поддерживать инфраструктуру сада, финансировать театральные постановки клубного самодеятельного кружка, покупку новых книг в читальню, приглашение литераторов на творческие встречи и т. д. Этим во многом объясняется низкая эффективность антиалкогольной агитации.

Вместе с тем реализация алкоголя в садах имела свои побочные следствия. Ключевыми проблемами стали хулиганство и криминальные происшествия, зафиксированные прессой. Стоит отметить, что рост проявлений хулиганства был в целом характерен для 1920-х гг. (см.: [Сидорчук]).

— Эй, Гришка, мать твою так.

— Ванька, бей его по затылку.

Подобные крики можно услышать каждый день в буфете сада «Серп и молот» В.-Исетского завода. Но это бы еще ничего, куда ни шло, можно пожалуй примириться. Но дело гораздо серьезней. Иногда случаются драки, дело доходит до ножей. Милиции, что называется, днем с огнем не сыщешь. Скоро публика совсем перестанет посещать сад [В саду «Серп и молот», с. 4].

Наиболее часто в газетах упоминались Зеленая роща — бывший монастырский сад, находившийся на окраине города, а также упомянутый в процитированном выше отрывке заводской сад «Серп и молот». При этом обстановка в других парковых пространствах, даже в центре города, была не лучше:

Вечером в сквере по ул. К. Либкнехта г. Свердловска — полнейшее безобразия. Разгуливают проститутки, пьяные женщины, ругаются, дело доходит до драк. Все это происходит против здания 2-го отделения милиции [Притон в центре города, с. 4].

В выходной день, 30 мая, в саду Уралтрофсовета Сталинским районом была организована массовка. Вечером, в 12-м часу, на спокойной прогуливающуюся по саду компанию молодежи напали хулиганы. Двум молодым ребятам эта банда хулиганов острыми металлическими предметами проломила в нескольких местах головы, изуродовала руки. Когда пострадавшие стали вызывать на помощь милицию, чтобы задержать хулиганов, то во всем саду не оказалось ни одного дежурного милиционера <...> [Очистить город от хулиганов, с. 2].

Проблемы с преступностью в городе во многом были вызваны крайне низким уровнем подготовки (часто и коррумпированностью) работников милиции и уголовного розыска. В докладе Екатеринбургского губернского отдела управления за 1921 г. читаем:

На Съезде отмечены следующие недостатки и ненормальности, подлежащие безусловному устранению и исправлению всеми зависящими мерами: подчеркнуть низкий нравственный уровень милиционеров, незнание ими своих служебных обязанностей, слабая политическая и культурно-просветительная работа среди них, отсутствие дисциплины и ненормальные и нежелательные взаимоотношения между комсоставом и милиционерами, нежелательность переброски комсостава, недостаток обмундирования и, наконец, отсутствие канцелярских принадлежностей, что лишает возможность наладить и усовершенствовать техническую сторону работы. В ближайшем будущем будут приняты соответствующие меры к устранению всех перечисленных ненормальностей [Екатеринбургский губернский отдел управления, с. 32].

В последующие десятилетия ситуация с уровнем грамотности и подготовки личного состава стала несколько лучше, но все равно не соответствовала вызовам, предъявляемым преступностью.

Но несмотря на несовершенную инфраструктуру, материальную бедность, засилье хулиганов и пьяных, отсутствие помощи милиции, в садах Свердловска 1920-х — начала 1930-х гг. пытались организовать работу с посетителями.

Решение идеологических задач в работе садов Свердловска

Со второй трети 1920-х гг. сады, которые работали только на протяжении летнего сезона, начинают играть важную роль в культурной жизни города. Характерно, что программы работы городских садов перед открытием летнего сезона обсуждались на заседаниях президиума горсовета, а подготовка к открытию удостоивалась самого пристального внимания местной прессы. Анализ последней позволяет осмыслить значение парков в жизни горожан, а также понять роль идеологии в жизни садов того времени. В газетах «На смену!» и «Уральский рабочий» за 1923–1934-е гг. мы нашли свыше 30 заметок, так или иначе затрагивающих культурную программу садов.

Можно попробовать при помощи данных прессы реконструировать программу достаточно типичного мероприятия в саду Свердловска 1920-х гг. и за основу взять описание массового гулянья, приведенное в газете «На смену!» от 26 июня 1928 г.:

В программе вечера: футбольное состязание, соревнования по городкам, крокету, баскетболу и волейболу. В тире — соревнование по стрельбе, в читальне — политлотерея, шахматные сеансы. На эстраде: выступление «живой газеты», струнный оркестр, сольные номера, физкультурные выступления, гармонисты, танцы на танцевальной площадке, радио-передача, массовые игры и песни. Работает павильон санитарно-гигиенической выставки. Для наблюдения за порядком на гуляньи организуется добровольная группа комсомольцев [26 июня в саду Уралпрофсовета — вечер молодежи, с. 4].

Мы видим, что развлекательные спортивные мероприятия, действительно привлекающие посетителей (футбол, крокет, волейбол), компенсируются «политлотереями». Популярными у посетителей танцы и концерты (позволяющие парку заработать) сопровождаются агитационными выступлениями «живой газеты» и работой «санитарно-гигиенической выставки». Подобный подход позволял работникам парка угодить и партийному руководству, и публике: формально отчитаться о проведении идеологических мероприятий и при этом соответствовать потребностям отдыхающих.

Если же посмотреть на программу отдельно взятого сада в динамике, то и здесь становится очевидно, что развлекательное начало преобладает: с 1 по 15 июля 1928 г. в саду Уралпрофсовета выступает цирковая труппа с балетными номерами, акробатами, жонглерами, клоунами и т. д., а через две недели планируются гастроль оперного баритона и выступления вокального квартета [Что нового в садах, с. 4].

Это подтверждается содержанием других газетных заметок о культурной программе садов и работе с посетителями, которые в общем можно поделить на три категории — негативные отзывы, комплиментарные отзывы и отзывы нейтральные. Нейтральные отзывы, как правило, представляют собой обзор культурной программы в целом и/или ее отдельных компонентов и не содержат четко выраженной похвалы или критики. По таким отзывам можно судить лишь о событийном наполнении работы садов, но не о восприятии последней. Поэтому мы обратимся к негативным и комплиментарным отзывам.

Негативные отзывы обычно содержат либо критику качества культурной программы (непрофессионализм артистов, плохой подбор произведений для исполнения, низкое качество самих номеров и др.), либо сетования на недостаточную идеологическую выдержанность мероприятий.

Приведем примеры отзывов подобного рода:

Свердловская окружная деткомиссия, арендуя городской сад, устраивает там спектакли и концерты на открытой сцене. Но опереточные артисты, выступая в этих концертах, превращают их в развлечение, едва ли желательное для рабочей публики. С эстрады сплошь и рядом раздаются сантиментальные русские и цыганские романсы вроде «Люблю тебя» вперемежку с кувырканиями клоуна [Прцветает цыганщина, с. 4].

Вечером 1 июня в саду Уралпрофсовета было... **СКУЧНО. Большинство номеров, весьма немногочисленных — общим числом всего в пять «единиц» — удручали присутствовавших своей ветхозаветностью и блеклостью** (выделено в оригинале. — М. В., Е. Р.). История с театральным парикмахером, заменяющим «упившегося» «первого любовника», сейчас не может удовлетворить даже самого непритязательного зрителя. То же впечатление оставляют широко разрекламированные, но вызывающие лишь недоумение Пат, Паташон и Чарли Чаплин. Зритель зевотой провожает сильно старающихся, но все же несмешных комиков [Фейерверк обещаний, с. 2].

Гулянье, устроенное в саду совторгслужащих 1-го августа, по своему плану, должно было быть посвящено международному красному дню. Но на самом деле ничего, кроме 2–3 лозунгов и небольшого доклада о теме вечера не напоминало. Ряд цирковых номеров, роликобежцы и несколько тупых попыток на остроумие сатирика Пехановича, вот что включил в программу вечера, посвященного антиимпериалистическому дню, сад совторгслужащих. **Необходимо сделать так, чтобы сад совторгслужащих, наконец, научился отражать текущие кампании** (выделено в оригинале. — М. В., Е. Р.) [Опять неудачно, с. 4].

<...> вечер можно было сделать действительно вечером социалистического соревнования, вечером опыта, вечером пропаганды идей и задач соревнования и организации масс вокруг них. Все это можно было сделать при желании, при продуманном отношении к делу. Но когда ни того, ни другого нет, тогда вечер получается вечером «вообще», носит характер казенной отписки и заранее обречен на провал. Именно это и случилось 31 мая в саду совторгслужащих... [Вместо соревнования — «вечер “вообще”», с. 4].

Складывается впечатление, что, как и в случае с антиалкогольной кампанией, администрации садов при устройстве заведомо идеологизированных мероприятий, чтобы не терять публику, вряд ли настроенную слушать лекции о международном положении, оборонном деле и санпросвещении, старались сводить официальную часть к минимуму, делая упор на развлечениях и отдыхе, ради которых публика приходила в сады. Посетители садов 1920-х гг. были предоставлены самим себе и могли проводить время так, как им хотелось — ходить по аллеям, общаться, сидеть в буфете, слушать эстрадную программу и т. п. Именно за эту возможность отдыхать и развлекаться в свободном режиме журналисты, устроившие смотр сverdловских садов в 1928 г., упрекают руководство:

Главный недостаток работы садов, выявившийся в процессе смотра, — слабая постановка массовой работы. Отсутствие актива из посетителей сада, совершенная беспомощность по части экскурсий, лекций, бесед... Полнейшее отсутствие работы с молодежью и детьми во всех садах, кроме сада Уралпрофсовета... В садах молодежь предоставлена самой себе... отсюда — хулиганство, «пивные стремления»... В деле культурного обслуживания посетителя большинство садов ограничивается читальной или небольшой площадкой для крокета. В итоге посетитель вынужден благодушно шататься по садовым аллеям, ему нечего делать, нечем заполнить свое время, свой отдых. Художественная работа садов также заставляет желать много лучшего [Что выявил наш смотр, с. 4].

Однако подобное положение дел вскоре изменится. Газетные статьи начала 1930-х гг. отражают смену позиции власти относительно роли садово-парковых публичных пространств в идеологической работе с населением. Если в течение 1920-х гг. садам негласно позволяли занимать публику так, как получается, по сути, закрывая глаза на недостаточную идеологическую «выдержанность» мероприятий и в основном упрекая лишь за невысокое качество развлекательных программ, то с начала 1930-х гг. ситуация меняется. Весьма примечательно, что жалобы на низкое качество культурной программы продолжают до конца исследуемого нами периода, а вот сетования на неадекватность идеологичности в начале 1930-х гг. сменились сдержанными хвалебными отзывами наподобие двух приведенных ниже, которые дополнили общее число комплиментарных отзывов, так или иначе комментировавших развлекательные программы садов и отдельные номера в их составе.

На Уралмашстрое общий выходной день... В саду-сквере, ярко пестрят кумачевые лозунги в яркой зеленой зелени деревьев. Множество карикатур, развешенных по всему саду, комсомольских стенных газет, галереи фотографий лучших героев завода и промышленности. <...> В разных местах киоски с книгами и газетами, ларьки, буфеты, политлотереи, у которых с утра до вечера толпилось множество людей. <...> Гулянье началось сдачей норм на значок ГТО. По аллеям, как на войне, кружили люди, в противогазах, вдали бросали гранаты. <...> Культурный отдых положил конец всякому хулиганству в саду. <...> Опыт сталинской организации должны перенять все заводы и новостройки Урала [Праздник радости, с. 4].

Сад Уралпрофсовета, пожалуй, никогда еще не видел такого массового скопления людей, как это было 13 июля в день открытия первой областной художественной олимпиады народностей Урала. <...> Это лишний раз говорит об огромном культурно-политическом значении олимпиады, о том растущем интересе, который проявляет массовый зритель к самостоятельному искусству, в частности к достижениям национальной культуры и национального искусства. <...> Мы настоятельно рекомендуем рабочей молодежи Свердловска по примеру первого дня посещать олимпиаду, знакомиться с теми огромными достижениями национальной культуры, в частности самостоятельного искусства, которые в наглядных образцах демонстрируются на олимпиаде [Национальная культура демонстрирует свои успехи, с. 3].

Относительно же роли садов в идеологической работе журналисты начали высказываться вполне определенно:

«<...> не надо забывать, что сад не может быть только местом отдыха, хотя бы и культурного. Сад <...> должен быть трибуном отражающим в своей повседневной работе основные лозунги сегодняшнего дня, мобилизующим зрительские массы на борьбу за осуществление этих лозунгов» (выделено в оригинале. — М. В., Е. Р.) [Сад Уралпрофсовета открыт, с. 4].

Заключение

Традиционное для отечественной историографии и публицистики представление о крайней политизированности досуга в общественных пространствах городов советской России 1920-х — начала 1930-х гг. (см., например: [Шайгарданова]) следует признать не вполне корректным. Изучение источников этого периода позволяет говорить о том, что логика существования и формы активности садов и парков определяются взаимодействием трех акторов культурной политики: посетителей, партийного руководства и балансирующей между ними администрации парков. Посетители садов и парков предпочитали аполитичные формы досуга, фактически копирующие дореволюционные формы: гулянья на природе, танцы, употребление алкоголя, развлечения «балаганного» типа.

Партийное руководство воспринимало городские сады как идеальное пространство для пропагандистских мероприятий, направленных на формирование нового советского горожанина и гражданина. Выполняя инструкции партийного руководства, администрация садов и парков сталкивалась с саботажем политизированных мероприятий со стороны посетителей парков, теряла публику и лишалась значительной части доходов, поскольку садово-парковые пространства существовали преимущественно в формате самокупаемости. Неисполнение же инструкций приводило к увольнению руководства. В итоге административные работники нашли компромисс, определивший культурные реалии советских садов и парков 1920-х — начала 1930-х гг. Пространство досуга в садах 1920-х гг. было почти деполитизировано, но на уровне бюрократических отчетов демонстрировалась бурная политическая активность. Пропагандистские мероприятия проводились преимущественно формально, а в действительности рекреативная деятельность почти полностью определялась вкусами и потребностями посетителей. Именно это часто становилось и становится причиной ошибок исследователей парков, принимающих формализованные отчеты за отражение реалий тех лет. Наряду с этим отметим, что доля и вес идеологической компоненты в работе садов и парков начала 1930-х гг. существенно выросли (как и в других сферах жизни советского общества; см., например: [Мурзина, Мурзин, с. 89–94]). На какое-то время найденный администрацией садов и парков компромисс, очевидно, перестал действовать.

---

26 июня в саду Уралпрофсовета — вечер молодежи // На смену! 1928. 20 июня. С. 4.

Ария об аварии (К постановке в «сквере» им. Энгельса) // Урал. рабочий. 1927. 5 июня. С. 5.

Барышева Е. В. «Фабрика переделки сознания»: символика советских парков культуры и отдыха в репрезентации власти 1920–1930-х гг. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2016. Т. 18, № 1 (148). С. 9–25.

Болотова Е. В. Советская женщина как внутрисемейный агент власти в антиалкогольной политике // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 2, ч. 2. С. 418–433.

В саду «Серп и молот» // Урал. рабочий. 1925. 21 июля. С. 4.

Вместо соревнования — «вечер “вообще”» // На смену! 1929. 2 июня. С. 4.

Екатеринбургский губернский отдел управления : докл. Екатеринбург. губерн. отд. управления за время с 1 дек. 1920 г. по 1 нояб. 1921 г. Екатеринбург, 1921.

- Каракулов Д. В.* Голод 1921–1922 гг. на Урале. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.
- Кладова К. Ю.* «Для чего существует городской сад»: советский идеологический проект и региональная практика (на примере г. Кургана 1920–1930-х гг.) // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб., 2020. С. 174–179.
- Кто отвечает за бульвар? // На смену! 1932. 13 авг. С. 4.
- Кухер К.* Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941. М., 2012.
- Лебина Н.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.
- Лукьянин В., Никулина М.* Прогулки по Екатеринбургу. Екатеринбург, 1995.
- Мурзина И. Я., Мурзин А. Э.* Художественные репрезентации проекта «Советский Урал» // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2018. С. 86–97.
- На прочных рельсах // На смену! 1928. 20 июля. С. 4.
- Национальная культура демонстрирует свои успехи // На смену! 1931. 17 июля. С. 3.
- Не превращайте в кабак // Урал. рабочий. 1925. 21 июля. С. 4.
- Опять неудачно. 1 августа в саду совторгслужащих // На смену! 1929. 3 авг. С. 4.
- Орлов И. Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010.
- Очистить город от хулиганов // На смену! 1934. 1 июня. С. 2.
- Положить конец халтуре. Сад УОСПС передать хозорганизации // На смену! 1930. 3 сент. С. 4.
- Праздник радости. Выходной на Уралмашстрое // На смену! 1932. 30 авг. С. 4.
- Притон в центре города // На смену! 1929. 17 сент. С. 4.
- Процветает цыганщина // Урал. рабочий. 1925. 23 авг. С. 4.
- Работу ВИЗ'овского сада — на обсуждение масс // На смену! 1928. 4 июля. С. 4.
- Савицкий С. А.* Преобразование Царскосельского парка в Парк культуры и отдыха в 1930-х годах // Вестн. РГГУ. Сер. : История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 2. С. 58–69.
- Свердловск — столица Урала : справочник-путеводитель / сост. В. М. Быков. Екатеринбург, 1924.
- Свердловск : справочник-путеводитель на 1929–1930 год. Свердловск, 1929.
- Сидорчук И. В.* Хулиганство как преступление и как девиантная форма досуга в СССР 1920-х гг. // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та : электрон. науч. журн. 2018. № 1 (25). С. 144–158.
- Советский Екатеринбург : справочник-путеводитель / сост. В. М. Быков. Екатеринбург, 1922.
- «У двух нянек дитя без глаза» // На смену! 1928. 20 июля. С. 4.
- Фейерверк обещаний. Сад им. Уралпрофсовета // На смену! 1933. 3 июня. С. 2.
- Хоть зайлейся пивом // Урал. рабочий. 1925. 23 авг. С. 4.
- Что выявил наш смотр? // На смену! 1928. 10 авг. С. 4.
- Что нового в садах // На смену! 1928. 26 июня. С. 4.
- Шайгарданова Н. Л.* Парк культуры и отдыха как явление культуры и воплощение советского идеологического проекта : автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2014.

Статья поступила в редакцию 29.06.2021 г.